

Потом поставляемый встав пришел на высокий амвон к поставляющему, где облачали его архиереи во вся одежды его кроме шапки.

Тогда первый жрец, помазывал его крепким вином на главе его, около очей образ круга, глагом, тако да будет крутиться ум твой, и поки круги, разными виды, да предстанут очесам твоим от сего во вся дни живота твоего, також на обе длани, и четыре перста, на няже чарка приемлется образом лученки, глаголя, тако да будут дрожати руце твои, во вся дни жизни твоей.

Потом налагали руки архиереи, и первый читал речь такову: Рукополагаю аз старый, пьяный сего нетрезвого:

Во имя всех пьяниц,	Во имя всех бочек,
Во имя всех склянниц,	Во имя всех ведр,
Во имя всех зернщиков,	Во имя всех кружек,
Во имя всех дураков.	Во имя всех стаканов,
Во имя всех шутов,	Во имя всех чарок,
Во имя всех сумасбродов.	Во имя всех карт,
Во имя всех лотров (?),	Во имя всех костей,
Во имя всех кадок,	Во имя всех бирюлек,
Во имя всех вин,	Во имя всех табаков,
Во имя всех пив,	Во имя всех кабаков,
Во имя всех медов,	Яко жилище отца нашего
Во имя всех каразиннов,	Бахуса, аминь.
Во имя всех сулоев,	
Во имя всех браг,	

Потом наложили на главу его шапку и пели аксиос.

Потом оный новопосвященный сел на свой престол, на великую покрытую бочку, и вкушал вина из великого орла и прочим всем подливал, певцы же в то время пели многолетие кесарю и новопоставленному.

И оное окончав, все распушены в дома свои, князь-папа же разоблачась от своея одежды, пошел в свои покоевы палаты, и остался в том доме.

Следует отметить существенную черту маскарадных шествий: они пародировали не только обрядность церкви, но и литературу, с церковностью так или иначе связанную. В вышеприведенном рассказе Берхгольца мы опустили описание одного из маскарадных эпизодов. За повозкой Бахуса «следовал так называемый беспокойный монастырь, принадлежащий на маскараде собственно к обществу императора. Сани его — громадная машина — были устроены особенным образом, а именно со скамьями, которые сначала,